

УДК 343.985.1

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(1).68-81

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РОССИЙСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2010–2020 ГОДАХ

А.Г. Кибальник¹, П.В. Волосюк¹, А.Ю. Иванов²¹ Северо-Кавказский социальный институт, г. Ставрополь, Российская Федерация² Группа компаний «ЮгСтройИнвест», г. Ставрополь, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

11 декабря 2020 г.

Дата принятия в печать

19 февраля 2021 г.

Дата онлайн-размещения

9 марта 2021 г.

Ключевые слова

Российская уголовно-правовая доктрина; Уголовный кодекс РФ; террористические преступления; террористический акт; содействие терроризму; террористические организации; акт международного терроризма; противодействие терроризму

Аннотация. В статье подчеркивается, что террористическая угроза остается и в обозримом будущем останется чрезвычайно злободневной для всех государств и обществ. По этой причине самый широкий комплекс проблем (включая уголовно-правовые) противодействия террористической деятельности является предметом пристального изучения специалистов различных отраслей знаний в России и за рубежом.

Авторы отмечают, что в российских диссертациях, защищенных в последнее десятилетие, доминирует идея о том, что террористические преступления представляют собой специфические угрозы безопасности, порождающие общую (всеобщую) опасность. В отечественной доктрине все чаще предлагаются более формализованные дефиниции терроризма (террористической деятельности) в его уголовно-правовом смысле. С другой стороны, относительно новым направлением стало исследование терроризма (террористической деятельности) и его потенциальных последствий в контексте современных глобальных угроз, в частности рассмотрение проблемы террористической деятельности во взаимосвязи с деятельностью международных террористических организаций.

В статье подчеркивается, что в российской науке активно изучается проблема появления потенциально новых видов террористических угроз (кибертерроризм, экологический терроризм) и разрабатываются меры противодействия им. В изучении конкретных террористических преступлений приоритет принадлежит террористическому акту, который считается «ядром» всей террористической деятельности. С другой стороны, законодательное расширение перечня террористических преступлений стало объектом пристального внимания российских авторов. Популярным направлением уголовно-правовых исследований является исследование таких преступлений, как содействие терроризму, финансирование терроризма, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и его пропаганда.

Одной из наиболее обсуждаемых проблем стала криминализация организованных форм террористической деятельности (создание террористических сообществ и организаций и участие в их деятельности) и акта международного терроризма. Серьезная дискуссия развернулась относительно появления нормы, установившей преступность несообщения о совершении преступлений террористического характера.

Изучение российских диссертаций, посвященных различным проблемам уголовно-правового противодействия терроризму (террористической деятельности), защищенных в 2010–2020 гг., позволяет говорить об общности основных направлений исследований отечественных и зарубежных ученых. Авторы пришли к выводу, что, несмотря на критику ряда соответствующих положений уголовного законодательства, большинство российских исследователей остаются сторонниками «жесткой линии» борьбы с терроризмом. Смысл такой «линии» заключается в дальнейшем усилении репрессии за совершение террористических преступлений и сужении либо исключении возможности применения поощрительных норм уголовного законодательства к лицам, совершившим террористические преступления.

CRIMINAL-LAW COUNTERACTION TO ACTS OF TERRORISM: MAIN TRENDS IN RUSSIAN RESEARCH DISSERTATIONS (2010–2020)

Alexei G. Kibalnik¹, Pavel V. Volosyuk¹, Alexei Yu. Ivanov²¹ North Caucasus Social Institute, Stavropol, the Russian Federation² «YugStroyInvest» group of companies, Stavropol, the Russian Federation

Article info

Received
2020 December 11

Accepted
2021 February 19

Available online
2021 March 9

Keywords

Russian criminal law doctrine; Criminal Code of the Russian Federation; terrorism; act of terrorism; assistance to terrorism; terrorist organizations; act of international terrorism; countering terrorism

Abstract. The threat of terrorism is and will, in the foreseeable future, remain highly urgent for all states and societies. In this connection, numerous problems (including criminal law ones) of counteracting terrorism attract close attention of both Russian and foreign researchers who work in various fields of knowledge.

Russian dissertation theses of the past decade are dominated by the idea that acts of terrorism are specific threats to security and present a general (total) danger. It is becoming more and more common within the Russian doctrine to present formalized definitions of terrorism (terrorist activities) in its criminal law sense. On the other hand, a relatively new trend is the research of terrorism (terrorist activities) and its potential consequences within the framework of contemporary global threats, specifically, the analysis of the problem of terrorist activities in connection with the activities of international terrorist organizations.

The authors stress that Russian researchers pay much attention to the emergence of potentially new terrorist threats (cyberterrorism, environmental terrorism) and develop counteraction measures. Research of specific manifestations of terrorism is focused on acts of terrorism, which are viewed as the «core» of all terrorist activities. On the other hand, legislative extension of the list of terrorist crimes became an object of close attention for Russian authors. A popular trend in criminal law research is analyzing assistance to terrorism, financing terrorism, public calls for performing acts of terrorism, public justification and propaganda of terrorism.

One of the most widely discussed problems is that of criminalizing organized forms of terrorist activities (creation of terrorist groups and organizations, and participation in their activities) and criminalizing the act of international terrorism. A large-scale discussion was connected with the introduction of a norm that established the criminal character of failing to report a terrorist crime.

The analysis of Russian dissertation theses devoted to various aspects of criminal law counteraction to terrorism (terrorist activities) of 2010–2020 shows that Russian and foreign research shares key trends. It is concluded that, in spite of some criticism of the corresponding clauses in criminal legislation, most Russian researchers support the hard-line approach to counteracting terrorism. This approach presupposes further strengthening of repressions for crimes of terrorism, reducing or eliminating the possibility of using incentive norms of criminal legislation towards persons who committed terrorist crimes.

Ни у кого не вызовет сомнений утверждение о том, что на рубеже XX–XXI вв. террористическая угроза стала одним из наиболее серьезных вызовов безопасности всех государств и мирового сообщества в целом. Недаром после террористических атак 2001 г. многие политики назвали войну с террором (в американской терминологии) едва ли не третьей мировой. Несмотря на беспрецедентное ужесточение национального антитеррористического законодательства (включая отечественный уголовный закон), осуществление многочисленных локальных и международных силовых акций по нейтрализации источников террористической угрозы, она (террористическая угроза) остается и в обозримом будущем останется чрезвычайно злободневной для всех государств и обществ.

По этим причинам самый широкий комплекс проблем (включая уголовно-правовые) противодействия террористической угрозе и возможных путей их решения является предметом пристального изучения специалистов различных отраслей знаний. В частности, обширный круг вопросов, связанных с борьбой

с терроризмом и отдельными террористическими преступлениями, оставался в последнее десятилетие одним из ключевых направлений уголовно-правовых и криминологических исследований в зарубежной науке. Это обстоятельство свидетельствует об общности доктринального понимания террористической угрозы и целей противодействия ей.

В западных диссертационных работах 2010–2020 гг. подчеркивается преемственность общих задач и целей в противодействии терроризму, обозначаются возможные пути развития террористической деятельности (в первую очередь международной). Некоторые авторы прямо говорят о том, что в 2020-е гг. терроризм, по существу, станет «все более растущей угрозой» практически для «каждого проживающего на Земле человека» [1, р. 82–83]. В зарубежной доктрине предложены многочисленные «рецепты» усиления уровня защищенности от прогрессирующей террористической угрозы интернационального [2, р. 285–289] и внутреннего («домашнего») характера [3, р. 79–90; 4, р. 81–96].

Авторами отмечены тенденции радикализации террористической активности (прежде всего так называемого религиозного исламского терроризма) в отношении «обычного населения» и реакция на это в виде роста уровня исламофобии в западных обществах [5, р. 185–187]. По понятным причинам пристальное внимание в зарубежных диссертационных исследованиях уделяется криминологическим, организационным и собственно правовым способам борьбы с наиболее одиозными террористическими организациями. Прежде всего, речь идет о борьбе с повсеместно запрещенными «Аль-Каидой», «Талибаном» и «Исламским государством»¹ [6]. При этом подчеркивается необходимость глубокого осознания и тщательного учета «идеологической эволюции» и «политической трансформации» этих структур в целях эффективного противоборства их активности [7, р. 180–189].

В то же время одним из чувствительных нерешенных вопросов противодействия террористической деятельности в западной доктрине названо отсутствие единого подхода к ее пониманию как таковой, а также к пониманию сущностного характера террористических угроз. Также подчеркивается, что продолжающаяся трансформация международного терроризма существенно снижает эффективность так называемой глобальной войны с террором. Авторы с сожалением отмечают, что желаемого единства в решении этих насущных задач не достигнуто, что особенно проявилось в ходе военной кампании в Афганистане. Например, была даже высказана мысль «о вопиющем стратегическом провале» в «долгой войне» против терроризма все в том же Афганистане, который стал результатом «глубокого непонимания врага», т.е. невыполнения «центрального требования для разработки надежных стратегий антитеррористической войны» [8, р. 301–303].

Значительное внимание в зарубежных диссертационных исследованиях уделяется возможным направлениям развития террористической активности. В частности, речь идет о появлении сравнительно новых видов террори-

стических преступлений, например биологического терроризма, кибертерроризма, о последствиях их совершения, а также о необходимости выработки превентивных и эффективных потенциальных мер противодействия им, включая меры уголовно-правового характера [9–12].

В отечественной доктрине проблемы, связанные с противодействием террористической угрозе, также остаются в центре внимания: в 2010–2020 гг. было защищено свыше 30 диссертаций по специальности 12.00.08, посвященных различным аспектам уголовно-правового противодействия террористической деятельности (т.е. совершению преступлений, перечень которых содержится в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ)².

В российских исследованиях общего характера, посвященных *борьбе с террористической деятельностью*, террористические преступления отнесены к «специфическим угрозам безопасности», порождающим «общую (всеобщую) опасность». Эта опасность проявляется в «возможности затрагивать качественно и количественно не определенный круг общественных отношений, индивидуально не определенный круг лиц». Кроме того, она (опасность совершения таких преступлений) способна создавать не только реальную, но и «потенциальную (с высокой степенью вероятности) угрозу причинения вреда в будущем» [13, с. 9].

С опорой на это (довольно традиционное) понимание общественной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны в доктрине выдвинуто немалое количество дефиниций терроризма (террористической деятельности) как уголовно значимого феномена. В частности, его предложено определить как «публичное насилие, создающее социально-психологическую атмосферу страха и изменяющее общественное сознание относительно безопасных условий существования общества». Такое насилие, исходя из буквального прочтения уголовного закона, совершается в целях «воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями» [14, с. 8–9].

Необходимо отметить, что некоторыми авторами предлагаются более формализованные дефиниции терроризма (террористической деятельности) в его уголовно-правовом смысле.

² На официальном сайте ВАК при Минобрнауки Российской Федерации содержатся сведения о 31 такой диссертации. См.: URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>.

¹ В России «Аль-Каида», «Талибан» и «Исламское государство» признаны террористическими организациями, и их деятельность запрещена в силу решений Верховного Суда от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 и от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С. См.: Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.

Например, терроризм был неожиданно определен как преступление, которое по непонятной причине составляет «основу организованной преступности» и использует «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями» (почему не «практику насилия», тоже остается неясным). Такие идеология и практика справедливо связываются с устрашением населения, однако непосредственно к терроризму предложено отнести организацию террористического формирования, а также содействие террористической деятельности и (или) ее осуществление. Говоря иными словами, осуществление террористической деятельности неожиданно определяется в качестве всего лишь разновидности терроризма как преступления (разумеется, в формально-правовом понимании), хотя далее в этой же работе автор говорит о терроризме как о специфической организованной преступности [15, с. 9, 12].

Более удачными представляются попытки рассмотреть (в уголовно-правовом смысле) террористическую деятельность как совершение или угрозу совершения предусмотренных УК РФ действий, «устрашающих население, нагнетающих состояние паники, дестабилизирующих обстановку в стране и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или иных тяжких последствий». Как верно считает Д.М. Минязев, целью данных действий выступает стремление виновного добиться таким способом «принятия диктуемого решения органами государственной власти, представителями иностранного государства или сотрудниками международной организации, пользующимися международной защитой, физическими или юридическими лицами». В качестве равноправных видов террористической деятельности надо признать «активное содействие совершению таких действий или их финансирование» [16, с. 11].

Немаловажным дополнением (нашедшим впоследствии отражение в законе) стало положение о том, что к террористической деятельности могут быть отнесены и другие преступления (т.е. не предусмотренные непосредственно в гл. 24 УК РФ), если они «совершены в террористических целях» [17, с. 8]. Данный тезис выступил отправной точкой для обоснования становящейся все более популярной позиции о том, что терроризм (террористическая деятельность) способен изначально представлять угрозу не

только интересам общественной безопасности и личности, но и интересам мира и безопасности человечества. Это следует из утверждения о том, что терроризм направлен (всегда ли?) на достижение «конечных политических целей», включая «негативное воздействие» на «мирное существование государств и народов» [18, с. 10].

Изучение факторов, обуславливающих распространение терроризма (террористической деятельности) и возрастание террористической угрозы, в российской доктрине обычно сводится к анализу их четырех групп, а именно:

- политико-правовые факторы (политическая нестабильность; падение авторитета власти и закона; ослабление правоохранительных органов, спецслужб и армии; борьба за власть политических партий и отдельных групп, преследующих узкоэгоистические цели; попытки иностранного вмешательства с целью сохранения очагов нестабильности на территории России; несовершенство законодательства);

- социально-экономические факторы (отсутствие действенной социальной политики и рост социально-экономического неравенства; увеличение уровня безработицы в беднейших регионах страны; коренные изменения в социальной структуре, приведшие, в частности, к падению уровня жизни и маргинализации некоторых социальных групп);

- национальные и религиозные факторы (рост националистических настроений в российском обществе; неконтролируемое распространение религиозного экстремизма; усиление сепаратистских настроений);

- психологические или личностные факторы (усиление состояния личностного дискомфорта и незащищенности, а также потеря духовных, культурных, нравственных ориентиров; обострение чувства социальной неустroенности и тревоги; утрата людьми уверенности в способности государства обеспечить безопасность) [19, с. 16–19].

Относительно новым направлением является исследование терроризма (террористической деятельности) и его потенциальных последствий в контексте современных глобальных угроз. Как говорилось выше, в зарубежной доктрине рассмотрение проблемы террористической активности внутри западных обществ в ее взаимосвязи с деятельностью международных террористических организаций стало почти традиционным. В российской науке такой подход встречается не так часто. Например, Р.С. Иванов показывает,

что деятельность запрещенного «Исламского государства» представляет для России серьезную угрозу и может способствовать:

- попыткам захвата власти с наибольшей вероятностью в населенных пунктах с преимущественно мусульманским населением (республики Северного Кавказа, Татарстан, Башкортостан);
- совершению преступлений террористической направленности с целью устрашения населения и последующей дезорганизации властных и общественных институтов в юго-восточных приграничных регионах Российской Федерации, имеющих значительную концентрацию натурализованных и нелегальных мигрантов из стран Центральной Азии;
- учащению посягательств на военнослужащих и членов их семей «с целью устрашения и принуждения к отказу от участия в любых формах антитеррористической деятельности как внутри Российской Федерации, так и за ее пределами»;
- активизации ряда «приграничных отраслей» криминального бизнеса (контрабанда ограниченных в обороте товаров и культурных ценностей, торговля людьми через государственную границу и пр.) [20, с. 11].

Особо надо отметить, что параллельно тенденциям в западной доктрине в российской науке активно изучается проблема появления *потенциально новых видов террористических угроз и разрабатываются меры противодействия им.*

В частности, С.К. Бадамшин справедливо говорит о небывалом возрастании опасности преступлений террористической направленности, совершаемых посредством использования электронных и (или) информационно-телекоммуникационных сетей. Такого рода преступления перемещают «криминальную активность в виртуальное пространство» и обладают неограниченными возможностями по вовлечению в террористическую деятельность неограниченного круга лиц.

Речь идет прежде всего об использовании ресурсов сети Интернет для распространения террористической идеологии и совершения террористических преступлений «на любом удалении от предмета посягательства». Именно «широкие возможности электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, включая доступность и простоту использования» увеличивают общественную опасность террористической деятельности, так как позволяют

обеспечить практически «неограниченный охват аудитории» и «относительную анонимность совершаемых действий» [21, с. 9–10].

В доктрине уже предложено заслуживающее внимания определение информационного терроризма как идеологически обоснованной практики оказания воздействия, «устрашающего население, на принятие решения или совершение действия (бездействия) органом власти, органом местного самоуправления, международной организацией». В качестве адресата такого воздействия наряду с указанными выше названы социальные группы и отдельные юридические и (или) физические лица, что не вполне соответствует устоявшемуся в законодательстве и теории пониманию получателей угроз, выдвигаемых при совершении террористических преступлений. Само же «информационно-террористическое» воздействие осуществляется «в пределах информационного пространства, связанного с использованием информации, информационных технологий и (или) информационных ресурсов» [22, с. 13].

Необходимо сказать об обосновании доктринальной позиции о признании экологического терроризма в качестве специфического вида терроризма, обладающего повышенной степенью опасности. Так, Д.И. Тисленко справедливо полагает, что экологические террористические акты (сопряженные с посягательством на экологически опасные объекты, например на атомные электростанции или химические заводы, а также совершенные с использованием экологически опасных средств, в частности ядерных материалов, радиоактивных, опасных химических или биологически активных средств и веществ) обладают чрезвычайной вредоносностью.

Вследствие этого экологический терроризм надо расценивать как особый тип терроризма, спецификой которого является причинение вреда охраняемым уголовным законом ценностям (жизни, здоровью, общественной безопасности и пр.) посредством негативного воздействия на составляющие элементы окружающей среды. Сам экологический терроризм представляет собой «имеющие повышенную общественную опасность идеологию и практику насилия, устрашающего население». Акт экологического терроризма совершается «путем загрязнения окружающей среды, в том числе в целях привлечения внимания к определенным взглядам либо в целях воздействия на принятие решения либо совершение дей-

ствия (бездействие) органом власти, органом местного самоуправления, международной организацией, юридическим лицом, социальной группой, физическим лицом». По мнению автора, экологический терроризм необходимо признать родовым понятием, включающим в себя такие разновидности, как ядерный (радиационный), химический, биологический (бактериологический) терроризм [23, с. 8–10].

При изучении конкретных террористических преступлений в российской доктрине (в ключе рассматриваемой проблематики) «пальма первенства» в 2010–2020 гг. принадлежала *террористическому акту* (ст. 205 УК РФ). Это, в общем-то, неудивительно, так как именно данное преступление заслуженно считается «ядром» всей террористической деятельности.

Прежде всего, надо отметить, что многие авторы говорят о несправедливости закона, уравнившего конкретные способы совершения террористического акта (взрыв, поджог, совершение иных общеопасных действий) с угрозой его совершения [24, с. 12; 25, с. 8–9]. Действительно, очевидным представляется тот факт, что угроза совершения деяния и его реальное исполнение обладают разной степенью общественной опасности и должны предусматривать различные пределы наказуемости. Этот тезис наглядно подтверждается самим уголовным законом — достаточно упомянуть о принципиальной разнице в наказуемости убийства и угрозы убийством в санкциях ст. 105 и 109 УК РФ. Однако в данном вопросе УК РФ остается на неизменных позициях, несмотря на неоднократные предложения выделить угрозу совершения террористического акта в самостоятельную норму с пониженными пределами наказуемости.

В качестве «претензии» к действующей редакции ч. 1 ст. 205 УК РФ стало также указание на дефектность исключения цели устрашения населения как одного из конститутивных субъективных признаков террористического акта. По этой причине необходимо положительно оценить предложение восстановить признак устрашения населения в качестве альтернативной цели совершения взрыва, поджога или иного общеопасного действия [26, с. 11–12] (в настоящее время такое устрашение является фактическим последствием их совершения). Полагаем, что данная цель законодательно должна носить скорее солидарный характер и сосуществовать с целью воздействия на принятие решения органами власти и международ-

ными организациями, что будет более последовательно отражать социально-юридический смысл этого преступления.

Определенный интерес представляет точка зрения Р.С. Калинина относительно того, что субъективная сторона любого террористического акта не просто подразумевает умышленную форму вины, а охватывает собой «неизбежную или вероятную гибель людей». По этой причине видится излишним указание в ч. 2 ст. 205 УК РФ на неосторожное отношение к смерти потерпевшего. В то же время законодательно необходимо предусмотреть в особо квалифицированном составе террористического акта последствие в виде умышленного причинения смерти не только одному человеку, но и двум и более лицам.

Это предложение заслуживает внимания в силу сложившейся судебной практики. Как указала высшая судебная инстанция, умышленное причинение смерти в результате террористического акта двум и более потерпевшим охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует³. Не секрет, что разъяснение Верховного Суда РФ вызвало оживленный спор в доктрине. Полагаем, что в данном случае Суд нарушил правило буквального толкования текста уголовного закона (в указанной норме прямо говорится о потерпевшем в единственном числе). В любом случае вопрос об изменении редакции п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ актуален.

Также высказаны предложения о внесении в ст. 205 УК РФ новых квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, которые, на взгляд автора, позволят более правильно и последовательно дифференцировать уголовную ответственность за террористический акт, а именно:

— в ч. 2 ст. 205 УК РФ предусмотреть совершение террористического акта лицом, использующим свое служебное положение; совершение этого преступления в месте проведения массового мероприятия; последствие в виде уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры);

— в ч. 3 ст. 205 УК РФ предусмотреть совершение террористического акта организованной группой, а также использование при его совер-

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

шении человека в целях самоподрыва (в связи с особым цинизмом и заведомой гибелью лица, «которое может при этом и не являться субъектом преступления в силу малолетства или невменяемости») [27, с. 9–10].

Начавшееся почти 15 лет назад (и не прекращающееся по настоящий момент) *расширение перечня собственно террористических преступлений* не могло не найти отклика в российской уголовно-правовой доктрине. Причем этот отклик стал в основном приветственным.

По мнению некоторых авторов, большой эффект от противодействия террористической деятельности может быть достигнут посредством активного включения в закон так называемых уголовно-правовых норм с двойной превенцией. К ним обычно относят нормы, устанавливающие уголовную ответственность за преступные деяния, которые обуславливают последующее совершение других преступлений (в нашем случае — террористического акта). Двойной превентивный эффект таких норм УК РФ объясняется связью «объектов первичного и вторичного превентивного воздействия, при которой одно преступление, предусмотренное нормой с двойной превенцией (объект первичного превентивного воздействия), выступает в качестве условия, способствующего совершению другого преступного деяния (объект вторичного превентивного воздействия)».

Применительно к УК РФ, по мнению А.С. Шуйского, к таким нормам в первую очередь относятся нормы специальной антитеррористической направленности (например, ст. 205.1 и 205.2 УК РФ). Поддерживая увеличение числа антитеррористических норм УК РФ, этот автор полагает, что «социальная обусловленность и необходимость противодействия террористическим актам» посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией детерминированы криминологическими особенностями современного терроризма. Среди таких особенностей названы, в частности: наличие развитой инфраструктуры террористической деятельности (включающей ее финансовое, материально-техническое и кадровое обеспечение); активная пропаганда идеологии и практики терроризма, ее оправдание; организованный и вооруженный характер террористической деятельности [28, с. 7–8].

Однако далеко не все авторы столь радушно восприняли увеличение числа антитеррористических норм УК РФ с двойной превенцией.

В частности, одной из главных «экзистенциальных» проблем нормы о *содействии терроризму* (ст. 205.1 УК РФ) справедливо названа дилемма конкуренции общих (ч. 1 ст. 30, ч. 4 и 5 ст. 33 УК РФ) и специальной (ст. 205.1 УК РФ) норм. Такое содействие (как по существу закона, так и по мнению ряда авторов) «заключается в приготовлении к преступлению (т.е. к террористическому акту. — Авт.), подстрекательстве к нему либо пособничестве в его совершении». В свою очередь, эта конкуренция «фактически трансформируется в коллизию между положениями Общей и Особенной частей УК РФ», так как «в рамках последней без каких-либо обоснований приготовление признается оконченным преступлением, а подстрекательство и пособничество — исполнением преступления». Кроме того, нарекания вызвали объем содержательного наполнения ст. 205.1 УК РФ и собственно сама криминализация содействия терроризму в том виде, как она состоялась в уголовном законе.

В доктрине предложено немало вариантов преодоления вышеназванной коллизии. Например, по справедливому мнению А.В. Серебрякова, в этих целях необходимо:

— установить в нормах Общей части УК РФ (имеющих неоспоримый приоритет) «особые предписания, допускающие такого рода исключения из правил» (как это сделано, например, в ч. 2 ст. 75 УК РФ);

— исключить из ст. 205.1 УК РФ положения, дублирующие содержание ч. 4 и 5 ст. 33 УК РФ, а именно: упоминание о склонении и ином вовлечении из ч. 1; полностью устранить ч. 3, которая «к тому же вносит явную диспропорцию в максимальные пределы соответствующих санкций» и предусматривает более строгое наказание за пособничество в совершении террористического акта, нежели за оконченный террористический акт [29, с. 10–11].

Необходимо отметить, что в доктрине высказана и иная позиция, поддерживающая существование самостоятельной нормы о содействии терроризму. Были сделаны выводы о необходимости расширения сферы действия ст. 205.1 УК РФ посредством включения в нее ряда квалифицирующих признаков. Например, И.О. Кошевой в качестве отягчающих обстоятельств предложил считать совершение этого преступления с привлечением несовершеннолетних лиц, а также ограниченно вменяемых лиц, с привлечением лиц, которые находятся в

сложной жизненной ситуации, с использованием специальных методик подготовки⁴ и вовлечения в террористическую деятельность и пр.

Более того, в целях повышения эффективности борьбы с террористическими преступлениями в доктрине высказывались предложения о сужении либо невозможности применения поощрительных норм УК РФ к лицам, осужденным за эти преступления. В частности, сторонниками «жесткой линии» говорилось о необходимости «исключить применение условно-досрочного освобождения и амнистии к лицам, осужденным за террористическую деятельность» [30, с. 9, 11], а также исключить возможность их помилования или назначения им менее строго наказания, чем предусмотрено законом [17, с. 9].

Как известно, законодатель пошел еще дальше, существенно ограничив или исключив возможность не только условно-досрочного освобождения таких лиц, но и их условного осуждения, назначения им наказания ниже низшего предела, применения к ним отсрочки отбывания наказания и т.д. Но настоящим «апофеозом» отечественной уголовно-правовой политики борьбы с терроризмом стала невозможность исчисления давностного срока за целый ряд террористических преступлений, включая содействие терроризму. По существу, такой подход означает, что лица, совершившие террористические преступления, непосредственно не выразившиеся в террористическом акте, будут находиться под уголовным преследованием до конца своей жизни. Справедливо ли это, учитывая, что срок давности уголовной ответственности не исчисляется даже за совершение квалифицированных видов убийства? Полагаем, что нет, но *durum lex*.

Далее стоит отметить, что в отечественной доктрине немалое внимание уделялось такому виду содействия терроризму, как его *финансирование*. После появления ст. 205.1 УК РФ авторы стали говорить о некорректности законодательного определения финансирования терроризма, а также о наличии квалификационных трудностей в случаях, когда лицо, совершившее финансирование терроризма, так или иначе участвует в совершении иных террористических преступлений [31, с. 7–8].

⁴ Отметим, что впоследствии сам факт прохождения обучения (т.е., по существу, получения лицом специальных знаний и умений) в целях осуществления террористической деятельности был криминализован в ст. 205.3 УК РФ.

Также была высказана позиция о необходимости самостоятельной криминализации финансирования терроризма вне увязки с содействием терроризму. Одно из наиболее удачных определений рассматриваемого деяния было предложено С.Ю. Богомоловым. По мнению этого автора, финансирование терроризма представляет собой, во-первых, «умышленную, целевую, мотивированную активную форму преступного поведения», направленную на «финансирование организации, подготовки или совершения преступлений террористической направленности». Во-вторых, финансированием терроризма является «финансирование или иное материальное обеспечение лица в целях совершения хотя бы одного из таких преступлений либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения преступлений, входящих в группу террористических» [32, с. 9–10].

Оживленное обсуждение вызвала криминализация *публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публично оправдания терроризма и его пропаганды* (ст. 205.2 УК РФ).

Например, по справедливому мнению З.А. Шибзухова, криминализация публичного оправдания практики терроризма (террористической деятельности) оправданна. Этот шаг законодателя соответствует положениям ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г., а само «пропагандистское воздействие публичного оправдания практики терроризма вполне сопоставимо с тем, которое оказывают публичные призывы к ее осуществлению».

С другой стороны, решение о криминализации публичного оправдания идеологии терроризма представляется ошибочным, поскольку:

- понятие «идеология терроризма» не обладает той степенью определенности, которая необходима для уголовного закона;
- террористическими являются не идеи и взгляды, которыми руководствуются террористы, а способы их практической реализации;
- установление уголовной ответственности за это деяние явно выходит за рамки предписаний Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма.

Кроме того, недостаточная правовая определенность предписаний ст. 205.2 УК РФ «в некото-

рой мере ослабляет» конституционные гарантии права на свободу слова, так как «создает предпосылки для ее противоречивого толкования и произвольного правоприменения» [33, с. 9–10].

Применительно к положениям ст. 205.2 УК РФ предлагалось ввести ограничительное толкование. Его смысл сводится к исключению оправдания терроризма при высказывании «одобрительного заявления, выражающего исключительно личную позицию (оценку) автора». Такая позиция должна быть «лишенной какой-либо аргументации, свидетельств, доказательств, указаний на факты или события, которые были бы направлены на создание убеждения у неопределенного круга лиц о правильности идеологии терроризма и необходимости террористической деятельности». Кроме того, относительно ст. 205.2 УК РФ высказывалось заслуживающее внимания предложение об исключении самого термина «терроризм» ввиду его правовой неопределенности [34, с. 20].

Научную дискуссию вызвала ранее неоднократно предлагавшаяся в доктрине криминализация самого факта создания организованных форм террористической деятельности — *террористического сообщества и террористической организации* — и участия в них (ст. 205.4 и 205.5 УК РФ) [15, с. 14–15; 28, с. 17–18]. Прежде всего отметим, что такой шаг законодателя подвергся серьезной критике многими авторитетными специалистами. В принципе, верно утверждение С.В. Нестерова о том, что различие в формах соучастия у террористической организации и террористического сообщества попросту отсутствует. Формально оно (различие) «заключается лишь в наличии вступившего в законную силу решения суда о признании организации террористической либо обвинительного приговора суда в отношении лица за создание, руководство или участие в террористическом сообществе» [35, с. 20–21].

Тем не менее некоторые авторы расценили появление ст. 205.4 и 205.5 УК РФ в качестве «в целом запоздалого, но вместе с тем необходимого и важного решения» законодателя, основанного в том числе и на международно-правовых обязательствах Российской Федерации. Однако действующие редакции указанных норм признаются не вполне удачными и нуждающимися в корректировке.

Например, по словам М.В. Сипки, ч. 1 ст. 205.4 УК РФ говорит о террористическом сообществе не только как об устойчивой группе

лиц, но и как о группе, имеющей в своем составе части или структурные подразделения. Следовательно, расценивать террористическое сообщество в качестве разновидности только организованной группы или только преступного сообщества (преступной организации) «не представляется возможным, поскольку оно формально наделено признаками и организованной группы, и преступного сообщества (преступной организации)». Указывая на наличие противоречий в диспозиции названной нормы и нормах о смежных составах преступлений, автор считает необходимым при определении террористического сообщества «отказаться от перечня конкретных преступлений, ради совершения которых оно создается» и «ограничиться ссылкой на террористическую деятельность», дефиниция которой содержится в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ. В итоге под террористическим сообществом предложено понимать любую «группу лиц, заранее объединившихся с целью осуществления террористической деятельности» [36, с. 9–12].

Полагаем, что такой подход к определению террористического сообщества выглядит чрезмерным и несправедливым. По существу, таким сообществом надо будет признавать и устоявшиеся террористические формирования, участники которых многократно совершали различные террористические преступления, и двух лиц, ситуативным образом договорившихся о совершении какого-либо подобного преступления (причем не обязательно террористического акта, а, например, все того же оправдания терроризма). Учитывая явную разницу в характере и степени общественной опасности содеянного в приведенных примерах (и тем более не забывая о самой суровой наказуемости организации террористического сообщества и участия в нем), считаем, что для признания сообщества террористическим должны быть установлены признаки, перечисленные в ч. 4 ст. 35 УК РФ.

В работах последнего времени повторены известные положения о том, что нормы об организованных формах террористической деятельности имеют двойную превенцию и позволяют «пресечь организованную террористическую деятельность на стадии приготовления к конкретным преступлениям террористической направленности». К тому же применение ст. 205.5 УК РФ является «облегченным», потому что оно «не связано с необходимостью доказывания признаков такого сообщества, поскольку осно-

ываается на преюдициальном значении судебного решения, признавшего определенную организацию террористической» [37, с. 10].

Последним по времени в системе террористических преступлений было криминализовано *несообщение о преступлении*. Хотя это прямо не сказано в наименовании ст. 205.6 УК РФ, в ее содержании речь идет о несообщении в органы власти информации о достоверно готовящемся, совершаемом либо совершенном преступлении террористической направленности. О желательности восстановления в уголовном законе подобной нормы и ранее говорилось в доктрине [30, с. 10].

Был ли этот шаг законодателя столь необходим? Некоторые авторы фактически его одобрили и даже с рядом оговорок предложили расширить границы уголовно значимого несообщения в отношении иных преступлений, а также сформулировать норму о несообщении как виде прикосновенности к преступлению в Общей части УК РФ [38, с. 8–11; 39, с. 10–11].

Полагаем, что одним из самых спорных моментов является возможность уголовной ответственности за недонесение об уже совершенном преступлении, изначально носящем публичный характер (очевиден тот факт, что многие из перечисленных в диспозиции ст. 205.6 УК РФ преступлений изначально рассчитаны на максимальный резонансный эффект в отношении неопределенного круга зрителей и слушателей). И главное: можно ли признать позитивным то обстоятельство, что уголовный закон, по существу, начинает стимулировать доноительство?

Даже не столько морально-нравственные опасения заставляют с недоверием относиться к ст. 205.6 УК РФ, сколько формально-юридические. Общеизвестно, что охранительное уголовное правоотношение носит императивный характер, и по этой причине уголовное преследование почти по всем делам имеет исключительно публичный характер. Введение в УК РФ рассматриваемой нормы создает впечатление, что государство начинает перекладывать часть этой обязанности на плечи сограждан, обязывая их, по сути, изобличать других лиц. И ничего хорошего в этом усмотреть невозможно.

Наконец, немалый интерес в доктрине вызвала криминализация *акта международного терроризма* (ст. 361 УК РФ). Проблемы международного терроризма до недавнего времени традиционно оставались в поле научных инте-

ресов специалистов в области международного права. Появление этого деяния в системе преступлений против мира и безопасности человечества в целом было воспринято положительно, хотя и с рядом критических замечаний.

Например, В.А. Суворов под актом международного терроризма предложил понимать совершение «любого общепасного действия, устрашающего население», несмотря на отсутствие упоминания об устрашении непосредственно в ст. 361 УК РФ. Такое действие, совершенное в указанных законом целях, должно «создавать угрозу жизни, здоровью и безопасности людей», быть направленным «против интересов граждан определенного государства (государств) либо определенного государства (группы государств)», ставить под угрозу «интересы мира и безопасности человечества».

Угроза интересам мира и безопасности человечества определена в альтернативных целях акта международного терроризма. По мнению автора, цель нарушения мирного сосуществования государств и народов представляет собой стремление к результату «в виде любого ухудшения состояния международного мира вплоть до провоцирования войны между государствами либо немеждународного вооруженного конфликта между народами». А под целью причинения вреда интересам Российской Федерации надо понимать стремление «нанести ущерб России как субъекту международного права, а также жизни, здоровью, свободе или неприкосновенности граждан Российской Федерации, представляющих ее как государство либо выполняющих официальные функции от лица Российской Федерации».

Автор верно говорит об уязвимости законодательного определения места совершения акта международного терроризма. Прямое указание закона на то, что это преступление может быть совершено только вне пределов Российской Федерации, делает ст. 361 УК РФ единственной «экстерриториальной» нормой уголовного закона и ставит наших сограждан в «ущемленное» положение при совершении данного деяния на территории России. Поэтому в случае, когда акт международного терроризма совершен «с целью нарушения мирного сосуществования государств и народов», место осуществления такой акции «не должно иметь юридического значения» [40, с. 22–23].

Итак, изучение российских диссертаций, посвященных различным проблемам уголовно-

правового противодействия терроризму (террористической деятельности), защищенных в 2010–2020 гг., позволяет говорить об общности основных направлений исследований отечественных и зарубежных авторов.

Несмотря на сохранение множества подходов к определению самого терроризма (террористической деятельности), явно прослеживается тенденция к его формализации в уголовно-правовом смысле. Большинство оте-

чественных авторов подвергают критике ряд соответствующих положений уголовного законодательства, оставаясь при этом сторонниками «жесткой линии» борьбы с терроризмом, смысл которой состоит в дальнейшем усилении репрессии за совершение террористических преступлений и сужении либо исключении возможности применения поощрительных норм УК РФ к лицам, совершившим террористические преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Swearngin L.W. Terrorism in the 2020s: Examining the Global Threat Landscape : diss. / L.W. Swearngin. — Missouri State Univ., 2019. — 104 p.
2. Fisher K.M. From 20th Century Troubles to 21st Century International Terrorism: Identity, Securitization, and British Counterterrorism from 1968 to 2011 : diss. / K.M. Fisher. — London School of Economics, 2012. — 369 p.
3. Peterson P. Domestic Terrorism in the United States: Ideology, Radicalization, Mobilization, and the Law : diss. / P. Peterson. — John Hopkins Univ., 2019. — 106 p.
4. Quintero C.A. A Typology of Homegrown Terrorists : diss. / C.A. Quintero. — California State Univ., 2014. — 127 p.
5. Mitts T. Terrorism, Islamophobia, and Radicalization : diss. / T. Mitts. — Columbia Univ., 2017. — 221 p.
6. Altenbern M. Prospects for Resolving Conflicts Involving Religious Terrorists: Afghanistan, the Taliban, and Strategic Jihad : diss. / M. Altenbern. — George Mason Univ., 2012. — 130 p.
7. Grey S.R. The Ideological Evolution & Geopolitical Transformation of Islamist Militant Terrorism in the Middle East & Southeast Asia : diss. / S.R. Grey. — Univ. of Waikato, 2012. — 209 p.
8. Elze E.J. Toward a Consensus on the Nature of Contemporary Insurgency: An Analysis of Counterinsurgency in the War on Terror 2001–2010 : diss. / E.J. Elze. — Univ. of New South Wales, 2013. — 360 p.
9. Ilchmann K. Biothreat and Policy Pathways: Influences upon current bioterrorism policies in the UK : diss. / K. Ilchmann. — Univ. of Sussex, 2010. — 269 p.
10. Mott G. A Critical Reflection on the Construction of the Cyber-terrorist Threat in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland : diss. / G. Mott. — Nottingham Trent Univ., 2018. — 207 p.
11. Veerasamy N. Cyber-Terrorism Life Circle Model : diss. / N. Veerasamy. — Univ. of Johannesburg, 2014. — 247 p.
12. Figueroa A. Terrorists and Cyberspace: The Digital Battleground : diss. / A. Figueroa. — Monterey Naval Postgraduate School, 2018. — 114 p.
13. Дрожжина Е.А. Общественная безопасность как объект преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.А. Дрожжина. — Москва, 2015. — 27 с.
14. Гегамов А.Р. Насильственные преступления против общественной безопасности и общественного порядка и уголовно-правовой механизм назначения справедливого наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Р. Гегамов. — Саратов, 2011. — 24 с.
15. Григорьев А.А. Уголовно-правовая ответственность за терроризм в современном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Григорьев. — Челябинск, 2012. — 32 с.
16. Минязев Д.М. Ответственность за террористическую деятельность в уголовном праве России (теоретические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.М. Минязев. — Москва, 2010. — 26 с.
17. Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовой и правоприменительный аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.В. Шевченко. — Саратов, 2010. — 25 с.
18. Хамзяева Ю.Р. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия терроризму в России и зарубежных государствах (на примере государств — членов Организации договора о коллективной безопасности) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.Р. Хамзяева. — Казань, 2017. — 33 с.
19. Матчанова З.Ш. Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / З.Ш. Матчанова. — Калининград, 2016. — 24 с.
20. Иванов Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.С. Иванов. — Москва, 2017. — 28 с.
21. Бадамшин С.К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.К. Бадамшин. — Москва, 2018. — 25 с.
22. Ковлагина Д.А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.А. Ковлагина. — Саратов, 2016. — 36 с.
23. Тисленко Д.И. Экологический терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.И. Тисленко. — Саратов, 2012. — 27 с.
24. Галачиева М.М. Уголовно-правовой анализ террористического акта: законодательные и теоретические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.М. Галачиева. — Москва, 2010. — 30 с.
25. Мирзоахмедов Ф.А. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ф.А. Мирзоахмедов. — Москва, 2016. — 26 с.

26. Бадушева Д.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против общественной безопасности, связанных с устрашением населения и оказанием воздействия на принятие решения органами власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.А. Бадушева. — Ростов-на-Дону, 2010. — 34 с.
27. Калинин Р.С. Уголовная ответственность за террористический акт по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.С. Калинин. — Москва, 2018. — 29 с.
28. Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.С. Шуйский. — Москва, 2012. — 27 с.
29. Серебряков А.В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Серебряков. — Краснодар, 2012. — 29 с.
30. Кошевой О.И. Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с содействием террористической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.И. Кошевой. — Москва, 2011. — 25 с.
31. Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Ульянова. — Екатеринбург, 2010. — 25 с.
32. Богомолов С.Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.Ю. Богомолов. — Нижний Новгород, 2017. — 33 с.
33. Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / З.А. Шибзухов. — Москва, 2012. — 26 с.
34. Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.М. Кунов. — Краснодар, 2017. — 26 с.
35. Нестеров С.В. Формы соучастия в преступлениях против общественной безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Нестеров. — Москва, 2016. — 24 с.
36. Сипки М.В. Уголовная ответственность за организацию террористического сообщества или деятельности террористической организации и участие в них : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.В. Сипки. — Москва, 2018. — 37 с.
37. Поличной Р.В. Уголовная ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.В. Поличной. — Москва, 2020. — 24 с.
38. Очередыко В.А. Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Очередыко. — Краснодар, 2020. — 33 с.
39. Кустова Н.К. Институт прикосновенности к преступлению: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.К. Кустова. — Казань, 2020. — 28 с.
40. Суворов В.А. Уголовная ответственность за акт международного терроризма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Суворов. — Краснодар, 2019. — 25 с.

REFERENCES

1. Swearngin L.W. *Terrorism in the 2020s: Examining the Global Threat Landscape*. Diss. Missouri State University, 2019. 104 p.
2. Fisher K.M. *From 20th Century Troubles to 21st Century International Terrorism: Identity, Securitization, and British Counterterrorism from 1968 to 2011*. Diss. London School of Economics, 2012. 369 p.
3. Peterson P. *Domestic Terrorism in the United States: Ideology, Radicalization, Mobilization, and the Law*. Diss. John Hopkins University, 2019. 106 p.
4. Quintero C.A. *A Typology of Homegrown Terrorists*. Diss. California State University, 2014. 127 p.
5. Mitts T. *Terrorism, Islamophobia, and Radicalization*. Diss. Columbia University, 2017. 221 p.
6. Altenbern M. *Prospects for Resolving Conflicts Involving Religious Terrorists: Afghanistan, the Taliban, and Strategic Jihad*. Diss. George Mason University, 2012. 130 p.
7. Grey S.R. *The Ideological Evolution & Geopolitical Transformation of Islamist Militant Terrorism in the Middle East & South-east Asia*. Diss. University of Waikato, 2012. 209 p.
8. Elze E.J. *Toward a Consensus on the Nature of Contemporary Insurgency: An Analysis of Counterinsurgency in the War on Terror 2001–2010*. Diss. University of New South Wales, 2013. 360 p.
9. Ilchmann K. *Biothreat and Policy Pathways: Influences upon current bioterrorism policies in the UK*. Diss. University of Sussex, 2010. 269 p.
10. Mott G. *A Critical Reflection on the Construction of the Cyber-terrorist Threat in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*. Diss. Nottingham Trent University, 2018. 207 p.
11. Veerasamy N. *Cyber-Terrorism Life Circle Model*. Diss. University of Johannesburg, 2014. 247 p.
12. Figueroa A. *Terrorists and Cyberspace: The Digital Battleground*. Diss. Monterey Naval Postgraduate School, 2018. 114 p.
13. Drozhzhina E.A. *Obshchestvennaya bezopasnost' kak ob'ekt prestupleniya*. Avtoref. Kand. Diss. [Public safety as an object of crime. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2015. 27 p.
14. Gegamov A.R. *Nasil'stvennye prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti i obshchestvennogo poriadka i ugovolno-pravovoi mekhanizm naznacheniya spravedlivogo nakazaniya*. Avtoref. Kand. Diss. [Violent crimes against public security and public order, and the criminal law mechanism of determining a just punishment. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2011. 24 p.
15. Grigorev A.A. *Ugolovno-pravovaya otvetstvennost' za terrorizm v sovremennom prave Rossiiskoi Federatsii*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal law liability for terrorism in contemporary law of the Russian Federation. Cand. Diss. Thesis]. Chelyabinsk, 2012. 32 p.
16. Minyazev D.M. *Otvetstvennost' za terroristicheskuyu deyatel'nost' v ugovolnom prave Rossii (teoreticheskie aspekty)*. Avtoref. Kand. Diss. [Liability for terrorist activities in Russian criminal law (theoretical aspects). Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2010. 26 p.

17. Shevchenko I.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za terroristicheskuyu deyatelnost': ugolovno-pravovoi i pravoprimeritel'ny aspekty*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal liability for terrorist activities: criminal law and law enforcement aspects. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2010. 25 p.
18. Khamzyaeva Yu.R. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty protivodeistviya terrorizmu v Rossii i zarubezhnykh gosudarstvakh (na primere gosudarstv — chlenov Organizatsii dogovora o kollektivnoi bezopasnosti)*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal law and criminological aspects of counteracting terrorism in Russia and other countries (using the example of member states of the Collective Security Treaty Organization). Cand. Diss. Thesis]. Kazan, 2017. 33 p.
19. Matchanova Z.Sh. *Faktory rasprostraneniya terrorizma v sovremennoi Rossii: kriminologicheskii analiz*. Avtoref. Kand. Diss. [Factors of spreading terrorism in contemporary Russia: a criminological analysis. Cand. Diss. Thesis]. Kaliningrad, 2016. 24 p.
20. Ivanov R.S. *Protivodeistvie terrorizmu v pogranichnoi sfere Rossiiskoi Federatsii: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty*. Avtoref. Kand. Diss. [Counteracting terrorism in the borderline sphere of the Russian Federation: criminal law and criminological aspects. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2017. 28 p.
21. Badamshin S.K. *Prestupleniya terroristicheskoi napravlenosti, sovershaemye s ispol'zovaniem elektronnykh ili informatsionno-telekommunikatsionnykh setei: ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika*. Avtoref. Kand. Diss. [Crimes of terrorism committed with the use of electronic or information-telecommunication networks: criminal law and criminological description. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2018. 25 p.
22. Kovlagina D.A. *Informatsionnyi terrorizm: ponyatie, ugolovno-pravovye i inye mery protivodeistviya*. Avtoref. Kand. Diss. [Information Terrorism: Concept, Criminally-Legal and other Measures of Counteraction. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2016. 36 p.
23. Tislenko D.I. *Ekologicheskii terrorizm: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy*. Avtoref. Kand. Diss. [Environmental terrorism: criminal law and criminological problems. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2012. 27 p.
24. Galachieva M.M. *Ugolovno-pravovoi analiz terroristicheskogo akta: zakonodatel'nye i teoreticheskie aspekty*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal Law Analysis of the Terrorist Act: Legislative and Theoretical Aspects. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2010. 30 p.
25. Mirzoakhmedov F.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za terrorizm po zakonodatel'stvu Respubliki Tadzhiqistan i Rossiiskoi Federatsii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal liability for terrorism under the legislation of the Republic of Tadjikistan and of the Russian Federation (a comparative legal study). Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2016. 26 p.
26. Badusheva D.A. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika prestuplenii protiv obshchestvennoi bezopasnosti, svyazannykh s ustrasheniem naseleniya i okazaniem vozdeistviya na prinyatie resheniya organami vlasti*. Avtoref. Kand. Diss. [A criminal law description of crimes against public security connected with the intimidation of population and the influence over the decisions of the bodies of power. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2010. 34 p.
27. Kalinin R.S. *Ugolovnaya otvetstvennost' za terroristicheskii akt po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Belarus'*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal liability for acts of terrorism under the legislations of the Russian Federation and the Republic of Belarus. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2018. 29 p.
28. Shuiskii A.S. *Protivodeistvie terroristicheskimi aktami posredstvom ugolovno-pravovykh norm s dvoynoi preventsiiei*. Avtoref. Kand. Diss. [Counteracting terrorism acts through criminal law norms with double prevention. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2012. 27 p.
29. Serebryakov A.V. *Sodeistvie terroristicheskoi deyatelnosti: problemy kvalifikatsii i sootnoshenie so smezhnymi sostavami prestuplenii*. Avtoref. Kand. Diss. [Aiding and abetting terrorist activities: problems of qualification and correlation with similar corpus delicti. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2012. 29 p.
30. Koshevoi O.I. *Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye problemy bor'by s sodeistviem terroristicheskoi deyatelnosti*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminological and criminal law problems of counteracting the assistance in terrorist activities. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2011. 25 p.
31. Ulyanova V.V. *Protivodeistvie finansirovaniyu terrorizma*. Avtoref. Kand. Diss. [Countering the Financing of Terrorism. Cand. Diss. Thesis]. Yekaterinburg, 2010. 25 p.
32. Bogomolov S.Yu. *Otvetstvennost' za finansirovanie terrorizma: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie*. Avtoref. Kand. Diss. [Liability for financing terrorism: criminal law and criminological research. Cand. Diss. Thesis]. Nizhny Novgorod, 2017. 33 p.
33. Shibukhov Z.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za publichnye prizvyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoi deyatelnosti ili publichnoe opravdanie terrorizma*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal liability for public calls to terrorist activities and public justification of terrorism. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2012. 26 p.
34. Kunov I.M. *Ugolovno-pravovoe protivodeistvie rasprostraneniyu kriminogennoi informatsii*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal law counteraction to spreading criminogenic information. Cand. Diss. Thesis]. Krasnodar, 2017. 26 p.
35. Nesterov S.V. *Formy souchastiya v prestupleniyakh protiv obshchestvennoi bezopasnosti*. Avtoref. Kand. Diss. [Forms of Complicity in Crimes against Public Safety. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2016. 24 p.
36. Sipki M.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za organizatsiyu terroristicheskogo soobshchestva ili deyatelnosti terroristicheskoi organizatsii i uchastie v nikh*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal liability for organizing a terrorist community or the activities of a terrorist group and for participation in them. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2018. 37 p.
37. Polichnoi R.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za organizatsiyu deyatelnosti terroristicheskoi organizatsii i uchastie v deyatelnosti takoi organizatsii*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal liability for forming a terrorist organization and participation in its activities. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2020. 24 p.
38. Ocheredko V.A. *Ugolovno-pravovoe znachenie prikosnovennosti k prestupleniyu*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal law significance of implication in a crime. Cand. Diss. Thesis]. Krasnodar, 2020. 33 p.
39. Kustova N.K. *Institut prikosnovennosti k prestupleniyu: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye aspekty*. Avtoref. Kand. Diss. [The institute of implication in a crime: theoretical, legislative and law enforcement aspects. Cand. Diss. Thesis]. Kazan, 2020. 28 p.
40. Suvorov V.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za akt mezhdunarodnogo terrorizma*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal liability for an act of international terrorism. Cand. Diss. Thesis]. Krasnodar, 2019. 25 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кибальник Алексей Григорьевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского социального института, доктор юридических наук, профессор, г. Ставрополь, Российская Федерация; e-mail: 13kln@mail.ru.

Волосюк Павел Валерьевич — заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского социального института, кандидат юридических наук, доцент, г. Ставрополь, Российская Федерация; e-mail: pavel_volosuk@mail.ru.

Иванов Алексей Юрьевич — заместитель генерального директора группы компаний «ЮгСтройИнвест», кандидат юридических наук, г. Ставрополь, Российская Федерация; e-mail: ivanov.alex111@gmail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кибальник А.Г. Уголовно-правовое противодействие террористическим преступлениям: основные тренды российских диссертационных исследований в 2010–2020 годах / А.Г. Кибальник, П.В. Волосюк, А.Ю. Иванов. — DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).68-81 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 68–81.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kibalnik, Alexei G. — Professor, Chair of the Criminal Law and Process, North Caucasus Social Institute, Doctor of Law (LLD), Professor, Stavropol, the Russian Federation; e-mail: 13kln@mail.ru.

Volosyuk, Pavel V. — Head, Chair of the Criminal Law and Process, North Caucasus Social Institute, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Stavropol, the Russian Federation; e-mail: pavel_volosuk@mail.ru.

Ivanov, Alexei Yu. — Deputy General Director, «YugStroy-Invest» group of companies, Ph.D. in Law, Stavropol, the Russian Federation; e-mail: ivanov.alex111@gmail.ru.

FOR CITATION

Kibalnik A.G., Volosyuk P.V., Ivanov A.Yu. Criminal-law counteraction to acts of terrorism: main trends in Russian research dissertations (2010–2020). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 68–81. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).68-81. (In Russian).